

новая рубрика: твоя первая книга

Речь под этой рубрикой пойдёт о первой книге, которая стала памятной, которая особо запомнилась и, может быть, стала даже определяющей в жизни. О библиотеке или книжном магазине, где состоялось приобщение к литературному миру. А кто сам пишет книжки, возможно, вспомнит о первой своей ласточке, публикации или пробе пера...

164

Альбина Журисламова

Не переросла ощущения чуда

Для новой рубрики я начала писать и поняла, что никак не могу поставить точку. Размышлять о прошлом – словно брать интервью у собственной памяти. Вопрос следует за вопросом, клубочек разматывается, неожиданно вспоминаются давно позабытые детали и подробности.

В общем, решила не останавливать себя, написать обо всём, о чём напишется, а если меня совсем уж занесёт, пусть редактор вырежет лишнее...

Про библиотеки и библиотекарей

Бывают на свете книголюбы, а я – книгообожатель. Сколько помню себя, читала взахлёб, очередную книжку из моих рук выдирали со скандалом. Бабушка пугала, что испорчу глаза и придётся носить очки (в конечном счёте так и вышло), но я её не слушала, тем более что и родители мои были заядлые книгочеи.

Помню, была записана в четыре библиотеки. Во-первых, в школьную, но там художественной литературы было очень мало, в основном, учебники. Во-вторых, третьих и четвёртых – были библиотеки около дома, неподалёку от школы и возле маминной работы.

Мама, кстати, сама заведовала библиотекой – правда, технической, там мне ловить было нечего. Тем не менее, ходить туда любила: наверное, всем детям нравится бывать на работе у родителей. Я наблюдала за тем, что и как делает мама, старалась ей помочь, увлечённо копалась в каталогах, перебирала разноцветные корешки на полках, разглядывала себя в большом старинном зеркале, что стояло в дальнем углу «фонда» – собственноручно книгохранилища, носилась по громадному гулкому читальному залу...

До сих пор не забыла непередаваемый «книжный» запах, атмосферу, что всегда царит в библиотеках, и, кажется, пальцы мои ещё помнят гладкость

M. Akhat

громоздких коричневых стеллажей, на которых молчаливыми рядами выстроились книги...

Записываться в несколько библиотек одновременно почему-то запрещалось. Неужели, и в самом деле, было время, когда дети стремились это делать?! Поэтому я всячески скрывала данный факт от библиотекарей. Однажды со мной приключилась забавная история.

Самая любимая моя библиотека располагалась в крошечном помещении на первом этаже пятиэтажки. Летом там было невыносимо душно, а зимой очень холодно, поэтому библиотекарь тётя Неля ходила в толстенном свитере, меховой душегрейке и валенках. Читального зала, разумеется, не было, зато фонд – богатейший, на зависть многим библиотекам. Каких только редких и удивительных книг я там не брала! Брала – и очень быстро возвращала... Положенные две недели никогда не успевали пройти. Это, как выяснилось, показалось тётя Неле весьма подозрительным. Она решила, что я балуюсь, таскаю за какой-то надобностью книжки домой, а потом, не читая, несу обратно. Наверное, роль сыграло то, что была я всего-то второклашкой, да к тому же не по годам мелкой, а в эту библиотеку записывали не раньше четвёртого класса. Меня взяли в порядке исключения, по просьбе мамы.

И вот как-то раз, когда я пришла сдавать очередную партию книг, тётя Неля устроила самый настоящий, первый в моей жизни экзамен по литературе. Глотая слёзы, я рассказывала о приключениях героев книг Волкова, а может, пересказывала «Затерянный мир» или ещё что-то.

Было очень страшно: вдруг она запретит приходить и брать книги? А ещё, конечно, ужасно обидно, что меня подозревали во лжи и мошенничестве. К счастью, всё закончилось хорошо. Бдительная тётя Неля убедилась, что я брала книги исключительно чтобы читать, и отпустила меня с миром.

Позже библиотека переехала в дру-

гое помещение, светлое, просторное – там она находится и поныне. Долгое время при ней работал живой уголок: в аквариумах плавали рыбы, в клетках шебаршились морские свинки и черепахи, беспечно насвистывали зяблики.

Ухаживал за всей этой компанией мой папа-орнитолог. Часто он брал меня с собой: мы приходили поздно вечером, кормили животных, чистили клетки. Отца не стало несколько лет назад, и живого уголка в библиотеке тоже уже нет. Но мне хочется верить, что читальный зал не пустует, жизнь кипит, и посетители по-прежнему записываются в очередь за хорошими книгами.

Много позже, уже студенткой филфака, я не вылезала из Ленинки и Лобачевки – главных татарстанских библиотек. Это, действительно, настоящие храмы Книги: величие слова и научной мысли ощущается там особенно остро. Но любовь к библиотеке и преклонение перед трудом библиотекаря я всё-таки вынесла из детства. Закрываю глаза – и мысленным взором вижу, как тётя Неля, склонив голову, записывает выданные книги в читательский формуляр; как быстрым шагом выходит навстречу мне из книгохранилища мама...

Про первую памятную книгу, мистику и волшебство

Давным-давно, когда училась в первом классе, я начала вести читательский дневник, куда записывала прочитанные книги. Потом, повзрослев, незаметно забросила это занятие, а недавно вот нашла на антресолях ящик со старыми документами и наткнулась на позабытую бордовую книжечку. Под номером два в ней значится произведение Эно Рауда «Муфта, Полботинка и Моховая Борода». Эта запись подчёркнута жирной линией и помечена двумя восклицательными знаками – так я обозначала книги, которые особенно нравились.

Приключения трёх накситраллей – маленьких человечков, похожих на гномов, меня буквально заворожили.

Муфта, Полботинка и Моховая Борода жили не в сказочном лесу, как полагаются нормальным гномам. Они путешествовали по свету, разъезжая в фургоне Моховой Бороды, ходили по магазинам, обедали в кафе, лечились в больницах, лакомились мороженым, выезжали на пикники – в общем, вели обыкновенную жизнь по соседству с обычными людьми.

Конечно, жизнь эта была полна приключений – то накситралли избавляли город от нашествия кошек, то спасали людей от крыс, то ещё что-то – откровенно говоря, не помню всех подробностей. Разумеется, книга давала почву для размышлений: автор писал о дружбе и взаимовыручке, об одиночестве в большом городе, о любви ко всему живому и охране природы.

Но меня, как сейчас понимаю, больше всего пленило не это. Сама того не осознавая, я была совершенно очарована той простотой и естественностью, с которой волшебство может войти в обыденную, привычную жизнь. Войти, расположиться уютно, заполнить собою пространство и постепенно пробраться под кожу, стать частью тебя самого.

Выходило, что рядом могут оказаться удивительные существа. Непостижимые миры могут вращаться на собственных орбитах под странными звёздами, повинуюсь неподвластным пониманию законам! А ты волен сколь угодно долго притворяться, что всего этого не бывает, но рано или поздно произойдёт нечто – и ты прозреешь. Может, просто однажды решишь купить мороженого и увидишь в очереди рядом с собой чудо-человечков, которые тоже тянутся за пломбиром.

Скажу по секрету: я не переросла это ощущение близости чуда, по-прежнему мистически настроена и не могу отказать себе в удовольствии выдумать что-то такое этакое. Поэтому, наверное, и пишу романы в жанре мистического реализма, когда магические элементы вплетаются в привычную картину мира.

А если меня спрашивают, неужто я всерьёз верю в запредельное, обычно

отвечаю: вы не видите воздуха, но это же не означает, что его не существует!

Про первую публикацию

Без сомнения, каждый писатель помнит свою первую изданную книгу, ведь это пропуск в мир литераторов. Увидев собственное имя на обложке, ты начинаешь чувствовать свою принадлежность к особой касте избранных. У первой книги чудесный вид и особый пряный запах – так пахнет счастье...

Но книга книгой, а есть ведь ещё первые литературные опыты, первые написанные строки. Всё в том же ящике на антресолях обнаружили мои первые рукописи, а среди них – тоненькая зелёная тетрадка в линейчку. На обложке косым взрослым почерком написано: «Стихи Альбины. 4–5 лет». Читать-то я научилась, а вот писать ещё толком не умела, поэтому диктовала свои творения бабушке.

Бедный, бедный дед, пришлось ему помучиться: тетрадка исписана под завязку, от первой до последней страницы. Подозреваю, что была она далеко не единственной...

Помимо тонкой, зелёной нашлись ещё три толстые, густо заполненные рифмованными строками. Впрочем, поэта из меня так и не вышло, с юности не написала ни одного стиха, кроме заказных, к юбилеям да праздникам. Однако первой публикацией стала именно стихотворная подборка.

Как уже говорилось, моя мама работала в библиотеке. И вот одна читательница, узнав, что я пытаюсь писать стихи, вызвалась показать их своему знакомому Писателю. Это был очень известный автор, не стану называть его имени.

Мы с мамой, ясное дело, обрадовались. Я аккуратно переписала десяток самых удачных, на мой взгляд, стихотворений, мама отдала их приятельнице, приятельница сказала, что вручила Писателю, и мы принялись ждать ответа. Сначала волновались жутко, вздрагивали от каждого телефонного звонка.

Но потом дёргались всё меньше и меньше, постепенно смирились с мыслью, что великому человеку опусы мои не понравились, а затем и вовсе позабыли о тетрадке, приятельнице и Писателе. Училась я в выпускном классе, не о стихах надо было думать.

Лишь спустя весьма продолжительное время моя мама случайно, перебирая за какой-то надобностью подшивки газет, наткнулась в одном из изданий на знакомые строчки. Читала и глазам не верила: надо же, отзыва не дождалась, но стихи-то – вот они! Опубликованы! Это ли не успех?

Однако эйфория быстро прошла. Под моими стихами стояла чужая подпись. Нет, не Писателя, разумеется, –

это была какая-то вовсе не знакомая фамилия.

Не так уж хороши были эти подростковые стихи, чтобы их красть, но глядите-ка, понадобились кому-то! Впрочем, есть такая теория: если потеряли какую-то вещь, не горюйте, значит, она нужнее тому, кто её нашел. Интересно, к плагиату это тоже относится?..

Свою реакцию на этот случай помню смутно. Наверное, огорчилась. Скорее всего, возмутилась. Всплакнула, быть может. Но в людях, тем более, в писателях, не разочаровалась: хороших, добрых, талантливых и умных всё равно больше, чем прочих.

Теперь-то, познакомившись со многими лично, я это точно знаю...

Борис Вайнер

«Пёрышки в подушке, соловьи в листве...»

Сборник детских стихов тоже может быть судьбоносной книгой, во всяком случае – для молодого детского автора. Для меня таковой стала вышедшая ещё в советские времена в переводе Виктора Лунина на русский «Песнь сна» Уолтера Де Ла Мэра. К слову, достать её в эпоху всеобщего дефицита было непросто; свой экземпляр я, помнится, долго и упорно искал и в конце концов выменял у приятеля-книголюба на один из томиков популярной «Библиотеки приключений и научной фантастики».

На привычную советскую поэзию строки английского поэта – как, между

прочим, и понемногу возвращавшиеся тогда в читательский оборот тексты обэриутов – были разительным образом не похожи. Если к чьим-то детским стихам и можно отнести определение «сказочные», то первым в моём коротком списке будет именно Де Ла Мэр. Его кажущиеся простыми стихотворения будто не проговорены до конца; они словно завершаются многоточиями, даже когда на самом деле там точка или восклицательный знак. Действие в них часто происходит ночью или на рубеже тьмы и света, они сумеречны и туманны – и в то же время ясны и глубоки, как безоб-